

The article reveals the characteristic features of modern Russian-language poetry of Belarus as a unique phenomenon on the literary map of Europe, a component of both Belarusian and Russian sociocultural discourse. The creative searches of the most significant Russian-speaking authors, representatives of various literary regions, generations and creative schools - V. Blazhenny, I. Kotlyarov, G. Trestman, V. Polikanina, A. Gabriel, E. Kriklivets are analyzed. Also the article reveals the poets tend to comprehend the spiritual and moral world of the individual, the eternal problems of human life, their involvement in the actual contradictions of social reality, draws attention to the poetical-style paradigm of the word of art, etc.

Н.В. Голубович

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: nina.golubovich@mail.ru

УДК 882(091)

ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА

Ключевые слова: М.А. Булгаков, пушкинские реминисценции, контекст, традиции, преемственность.

Пушкинский текст – весомая составляющая художественного сознания М.А. Булгакова. Статья посвящена анализу пушкинских реминисценций в творчестве писателя, их роли в реализации идейного замысла его произведений.

В булгаковской творческой генеалогии А.С. Пушкину принадлежит особое место. Пушкинское видение исторической судьбы России было близко взглядам М.А. Булгакова, запечатлевшего в своих произведениях трагические повороты современной ему эпохи.

Так, осмысление А.С. Пушкиным причин общественного неблагополучия, жестокости и кровопролития, поиски путей мирного разрешения социальных конфликтов – ключевые проблемы «Капитанской дочки» – становятся важнейшими в «Белой гвардии», своеобразной художественной «хронике» революционных событий 1918–1919 годов.

Взятый М.А. Булгаковым из «Капитанской дочки» эпиграф прочерчивает преемственную связь с пушкинской темой трагической, метельной судьбы России, тревожных, буранных ее дорог. Тягостным ощущением вечной русской жизненной непогоды наполнятся страницы «Белой гвардии» после прозвучавших в начале романа пушкинских строк: «Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!» Эпиграфом М.А. Булгаков направляет мысль читателя к ключевой в идейном понимании «Капитанской дочки» сцене: «...И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жилья или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное. «Эй, ямщик! – закричал я, – смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А бог знает, барин, – сказал он, садясь на свое место, – воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, **или волк, или человек**» [4, 268] (Выделено нами. – *Авт.*). С этого момента для читателя пушкинской повести, как и для ее героев, единственным мерилom верности выбранного жизненного пути станет выбор этический: кто ты – Homo Moralis или Homo Animalis?

В «Днях Турбиных» «Буря мглою...» вновь станет барометром социального неблагополучия. Песню будут петь, распиливая гимназические парты, юнкера. Пушкинский контекст служит для читателя идейным маяком. Строка из «Зимнего вечера» звучит как символ революционной стихии, слепой и непредсказуемой. В эпицентре сценического конфликта оказываются не только судьбы героев, но и те общественные и политические силы, которые приводят их в движение.

Тревожные раздумья автора о судьбе Турбиных, оказавшихся на кровавом перекрестке истории, связаны с осмыслением причин революционной ненависти и бессмысленной жестокости, ею порождаемой. В согласии с пушкинским видением путей преодоления социальных раздоров – через милосердие и сострадание – М.А. Булгаков признает главным критерием в определении «своей» или «чужой» не классовый принцип «белый или красный», а нравственный – «волк или человек».

«Белая гвардия» – роман о драматической судьбе интеллигенции и простого народа в переломную эпоху. Но это и книга о судьбе классической русской культуры – проблемы, волновавшей писателя на протяжении всей творческой биографии.

Уничтожение культурных традиций в пылу строительства новой жизни становится отдельной темой, поданной по-булгаковски гротескно и иронично. Здесь писатель вновь обращается к пушкинским отсылкам: диссонансом бешеной электрической Москве 1920-х годов в «Роковых яйцах»

ляется «над рощами и бывшими колоннами Шереметьевского дворца в совхозе “Красный луч”» прелестная нежная мелодия из «Пиковой дамы» [1, 226]; затем, замерев от ужаса перед змеей, заиграет вдруг Александр Семенович Рокк вальс из «Евгения Онегина». В «Мастере и Маргарите» вновь зазвучит «Евгений Онегин», но уже в Москве 1930-х, ставшей пристанищем дьявола.

А.С. Пушкин всегда был для Булгакова эталоном человеческой и писательской честности. Поэтому-то не дает покоя Сашке Рюхину, московскому поэту, «металлический человек», что стоит на постаменте, «чуть наклонив голову»: «Вот пример настоящей удачливости...какой бы шаг он не сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное в этих словах: «Буря мглою...»? И сам же Рюхин находит ответ: « – не верю я ни во что из того, что пишу!...» [2, 320].

Первостепенное значение в творчестве М.А. Булгакова имеет тема судьбы художника, которая получает у писателя специфическое «пушкинское» звучание. В пьесах «Кабала святош» и «Последние дни», в романах «Мольер», «Мастер и Маргарита» трагическая, роковая зависимость гениального художника от венценосцев и их приближенных становится объектом пристального писательского внимания. Актуальность этой темы в творчестве М.А. Булгакова объяснялась перипетиями его собственной судьбы. Травля, развязанная советской критикой, личные отношения со Сталиным воспринимались писателем сквозь призму пушкинской жизненной истории, драматизм которой был во многом связан с удушающей, лицемерной атмосферой светского общества.

В произведениях М.А. Булгакова о Мольере великому комедиографу противостоит не безликая толпа, не Людовик, а окружающая короля злобная свора «святош». В «Мастере и Маргарите» смертельный удар наносят «собратья по перу», бездарные и завистливые.

В «Последних днях» на Пушкина ополчается стая клеветников и злопыхателей. Ситуация накалена до предела: обеспокоены «неблагонадежностью» поэта Николай I, Бенкендорф, Дубельт; высмеянный в эпиграмме, ненавидит Пушкина Петр Долгоруков; действительный статский советник и интриган Богомазов продает черновик письма Пушкина к Геккерену; для тайной слежки за поэтом приставлен часовщик Битков. Цена предательства хорошо известна генералу Дубельту. На просьбу Биткова увеличить вознаграждение Леонтий Васильевич отвечает: «"Иуда Искариотский иде ко архиереям, они же обеща сребреники дати..."». И было этих сребреников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу» [3, 339]. Авторское отношение к доносчикам подчеркнуто и в «Кабале святош»: Иудой называет Лагранж приемного сына Мольера Муаррона, донесшего на своего отца.

Во всех случаях прижизненная судьба главных героев заканчивается трагически: умирает на сцене доведенный до отчаяния Мольер, погибает на тщательно подготовленной недругами поэта дуэли Пушкин, уходит из мира Мастер. Но живет в памяти людей великий драматург Мольер, обретает истинное бессмертие гениальный поэт Пушкин, остается на земле ученик Мастера Иван Николаевич Понырев.

Исследователи творчества М.А. Булгакова усматривали автобиографичность многих его произведений. Автобиографизм «Последних дней» особого рода. В пьесе о Пушкине звучит торжественный гимн победе поэта над завистниками и клеветниками, гимн силе и бессмертию пушкинского поэтического слова. М.А. Булгаков соизмерял с Пушкиным и свой талант, и свою писательскую судьбу.

Спротивление великого поэта лжи было сродни булгаковскому противостоянию околотеатральной «богеме», яростным нападкам со стороны советской критики. Раскаяние Биткова в конце пьесы – подтверждение бессмертия истинного творчества. Финал «Последних дней» непосредственным образом связан с «Мастером и Маргаритой», «закатным» романом М.А. Булгакова. Пушкин, Мастер, Иешуа и их рьяные гонители битковы, рюхины, латунские, майгели, могогарычи – два полюса, два пути. Один путь – к позору, смерти и забвению, другой – к славе и обретению вечности. Третьего не дано, ибо «каждому воздастся по его вере».

Литература

1. Булгаков, М.А. Избранные произведения: в 2 т. / М.А. Булгаков. – Мн.: Маст.літ., 1990. – Т.2. – 541с.
2. Булгаков, М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Романы / М.А. Булгаков. – Мн.: Маст.літ., 1988. – 749с.
3. Булгаков, М.А. Кабала святош: Роман, пьесы, либретто / М.А. Булгаков. – М.: Современник, 1991. – 536с.
4. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. – Т.6. Художественная проза. – 1978. – 575с.

N.V. Golubovich

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: nina.golubovich@mail.ru

Pushkin reminiscences in the work of M.A. Bulgakov

Key words: M.A. Bulgakov, Pushkin reminiscences, context, traditions, continuity.

Pushkin's text is a significant component of Bulgakov's artistic consciousness. The article is devoted to the analysis of Pushkin's reminiscences in the writer's work, their role in the implementation of the ideological intent of his works.